ГРЮНВАЛЬДСКАЯ БИТВА

Б. Н. Флоря

В 1189—1190 гг. во время третьего крестового похода был основан Тевтонский орден, одна из организаций рыцарей, которые должны были защищать владения крестоносцев в Палестине. Его название свидетельствует о том, что он был создан из рыцарей немецкого происхождения. Не получая притока новых сил из Европы, Орден в конце XII— начале XIII в. влачил жалкое существование. В 20-е годы XIII в. польские князья пригласили для защиты своих владений от набегов язычников-пруссов рыцарей этого Ордена. Так было положено начало созданию в Европе новой военной державы — Орденского государства в Пруссии. Оно «прославилось» особо жестокой, организованной «по-военному» эксплуатацией закрепощенного населения, а его существование зиждилось на политике постоянной агрессии по отношению к соседним странам и народам. Людские ресурсы для пополнения администрации и армии давали Орденскому государству обедневшие слои немецкого рыцарства, искавшие в его рядах возможности для возвышения и обогащения. Орден как защитник веры и борец с язычниками опирался на поддержку всей католической Европы, начиная с ее высших институтов — Священной Римской империи германской нации и папства, санкционировавших захваты крестоносцев, и кончая рыцарством почти всех европейских стран.

При поддержке этих сил Орден, завершивший в 80-е годы XIII в. покорение пруссов и превратившийся в сильную военную державу, стал все чаще обращать острие своей экспансии против соседних стран и народов. Хронист Ордена Петр Дюсбург записал под 1283 г.: «Закончилась война с пруссами. Началась война с литовцами» [1]. Плацдармом для агрессии стали замки, поставленные крестоносцами в устье Немана и в заливе, куда эта река впадала. Поначалу речь шла об ослаблении Литвы непрерывными опустошительными походами (ставшими со времени покорения пруссов главным методом внешней политики Ордена). Однако планы Ордена распространялись не только на земли «язычников» — литовцев, но и на земли «схизматиков» (православных) — белорусские и украинские, оказавшиеся с конца XIII — начала XIV в. под властью великих князей литовских. Жалованной грамотой, выданной Ордену в декабре 1337 г., император Людовик Баварский отдавал тевтонским рыцарям не только «Литву», но и «Русь» [2]. Еще прежде, чем эти планы стали претворяться в жизнь, крестоносцы напали на католическую Польшу. Захватив Гданьское Поморье, они отрезали Польское государство от Балтики, и на западе их владения сомкнулись с Бранденбургом, через земли которого к ним приходили все новые отряды немецкого рыцарства.

Агрессия тевтонских рыцарей с характерной для нее войной на уничтожение встречала закономерный, все нарастающий отпор соседних народов. 40 лет сопротивлялись натиску Ордена пруссы. Ожесточенный отпор литовцев и белорусов встретили попытки тевтонских рыцарей укрепиться в нижнем течении Немана [3]. Взялись за оружие поляки, которые в битве под Пловцами (1331 г.) нанесли серьезный удар войску крестоносцев.

Но силы противников Ордена были разобщены. Польское рыцарство не желало тогда иметь ничего общего с литовцами-язычниками. Литовское боярство оспаривало у польских феодалов подчиненные ими земли Галицкой Руси и стремилось распространить свое влияние на Северо-Восточную Русь, что вело к конфликтам меж-

---

[1] Chronicon terrae Prussiae von Peter von Dusburg. In: Scriptores rerum Prussicarum (SRP). T. I. Leipzig. 1861, S. 146.

[2] Preussisches Urkundenbuch. Bd. III, Tl. 1. Königsberg. 1944, S. 101.

[3] Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М. 1959, с. 416сл.

ду Великим княжеством Литовским и русскими княжествами, прежде всего Московским. В этих условиях Орден продолжал укреплять свои позиции. По миру, заключенному в 1343 г. в Калише, Польша оказалась вынужденной признать захват Поморья крестоносцами. Резко усилился их натиск на Великое княжество Литовское. Во второй половине XIV в. объектом больших походов Тевтонского ордена неоднократно становились уже не только пограничные литовские и белорусские области, но и главные центры Литовского государства — Вильнюс и Троки [4]. Основные усилия крестоносцы направляли тогда на подчинение Жемайтии. Захват этой литовской земли позволил бы им не только полностью отрезать Литву от моря, но и сомкнуть в единое целое владения Тевтонского ордена с владениями другого, признававшего верховную власть великого магистра, однако сохранявшего определенную автономию государства крестоносцев в Прибалтике, — Ливонского ордена, который, покорив латышей и эстов, угрожал Литве и землям Северо-Западной Руси. Используя внутренние конфликты в Великом княжестве Литовском, которые властями Ордена всячески разжигались, в начале 80-х годов XIV в. Орден сделал серьезные шаги, чтобы укрепиться в Жемайтии. Опасность для исторических судеб поляков, литовцев, восточнославянских народов резко возросла.

В этом драматическом положении был сделан первый важный шаг к объединению сил противников Ордена. В 1385 г. польским королем был избран литовский великий князь Ягайло, принявший христианство вместе со своими литовскими подданными [5]. Несомненно, предпринимая такую акцию, польские политики думали о совместном выступлении Польши и Великого княжества Литовского против Ордена. Ягайло (в крещении Владислав), вступая на польский трон, принял на себя обязательство вернуть Польскому королевству земли, захваченные крестоносцами [6]. Однако до совместного выступления обоих государств против Ордена прошло еще почти четверть века. Одной из причин несогласованности действий были столкновения между польскими и литовскими феодалами по вопросу о формах будущего объединения. Обострению этих столкновений всячески способствовал Орден. Лишь к середине 90-х годов XIV в., когда фактическим правителем Великого княжества Литовского под верховной властью Ягайло стал его двоюродный брат Витовт, спор был улажен.

Существовали и иные причины задержки. В правящих кругах Польши и Великого княжества Литовского сталкивались разные внешнеполитические концепции. Польских феодалов и литовское боярство манили планы расширения своих границ на Востоке за счет русских земель. Отсюда — дилемма, характерная для предгрюнвальдской политики обоих государств: либо политика экспансии на Востоке, что предполагало соглашение с Орденом и уступку его требованиям; либо решительная борьба с Орденом, что означало мир и политическое сближение с русскими княжествами. Колебаниями воспользовался Орден, и на первых порах не без успеха. Одной из вех на этом пути стал польский договор с Орденом, подписанный в мае 1404 г. в Рацёнже. Ордену отдавалась Жемайтия, признавалось «право» ливонских рыцарей на Псков, взамен же Орден охотно обещал свою поддержку Ягайле и Витовту в завоевании русских земель [7] и такую помощь действительно послал. Каковы же были результаты соглашений? На Востоке, столкнувшись с объединенными силами русских княжеств, в войне, продолжавшейся более трех лет, Витовт и Ягайло не добились существенных успехов. Подобная политика вызвала лишь политический кризис в их собственных владениях: в 1408 г. отъехал в Москву родной брат Ягайлы Свидригайло вместе с рядом русских князей, а с ним «бояре черниговъские и дебрянские, и любутьские, и рославские» [8]. А тем временем Орден укреплял позиции в Жемайтии, устанавливая там свою администрацию и закладывая новые замки.

[4] Łowmiański H. Agresja Zakonu krzyżackiego na Litwę w wiekach XII — XV.— Przegląd historyczny, 1954, № 2—3, s. 357n.

[5] Данный шаг не повлиял на политику Ордена, продолжавшего перед лицом всей Европы именовать литовцев «язычниками» и устраивать на Литву новые крестовые походы, к участию в которых широко призывалось рыцарство католической Европы.

[6] Akta unii Polski z Litwą. Kraków. 1932. № 1, s. 2.

[7] Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. I. Warszawa. 1930, s. 83.

[8] ПСРЛ. Т. 25. М.-Л. 1949, с. 237.

В этих условиях борьба взглядов в польско-литовских правящих кругах привела к победе политического реализма. С русскими был заключен мир, а весной 1409 г. началось восстание в Жемайтии при прямой поддержке из Вильнюса. В начавшейся войне Польша и Литва совместно двинули свои войска против Ордена. Жемайтию Орден, захваченный врасплох, удержать не смог. Но и союзники еще не были готовы к большой войне. Осенью военные действия были прерваны перемирием, срок которого истекал в июне 1410 года. За это время стороны должны были подготовиться к решающему столкновению. С поражением союзников Орден связывал далеко идущие цели; так, в договоре о союзе с венгерским королем Сигизмундом Люксембургским он специально оговаривал свое право на захват Литвы, Жемайтии, части польских земель [9]. Однако в Мариенбурге (Мальборк), Данциге (Гданьск) и Кёнигсберге (ныне Калининград) понимали, что добиться этой цели будет нелегко: Ордену впервые открыто противостояли объединенные силы его противников.

Крестоносцы рассчитывали на содействие Сигизмунда Люксембургского. Но, занятый борьбой с османами и Венецией, тот не мог немедленно начать военные действия. Поэтому гораздо больше они надеялись на помощь ливонских рыцарей. Великий магистр потребовал от ландмейстера Ливонского ордена, чтобы тот по окончании перемирия объявил Витовту войну и нападением на Литву отвлек на себя литовские силы. Ответ же оказался неожиданным. Ландмейстер в мае извещал, что готов объявить войну, но согласно ранним соглашениям может начать военные действия лишь через три месяца после разрыва отношений. Так как срок перемирия между Тевтонским орденом и его противниками истекал в июне, такой ответ фактически означал отказ. Великий магистр, получивший ответ за девять дней до начала войны, пришел в ярость и потребовал от Ливонского ордена вернуть данные ему взаймы деньги и пушки [10]. Современный польский исследователь С. М. Кучиньский [11] считает, что главная причина создавшейся ситуации заключалась в том, что после мира 1408 г. началось сближение Польши и Великого княжества Литовского с русскими землями — Великим княжеством Московским, Новгородом и Псковом. В грядущей войне эти земли по существу приняли сторону, враждебную Тевтонскому ордену, и ливонские рыцари в этих условиях решили не вмешиваться в события.

Теперь Ордену оставалось рассчитывать лишь на искусство своих военачальников. Но в начале военной кампании оно оказалось явно не на высоте. В возобновившихся летом 1410 г. военных действиях инициатива с самого начала принадлежала польско-литовской стороне. Несмотря на усилия орденских властей, им не удалось проникнуть в военные планы противника. Предпринятые в июне с разных направлений нападения войск как Польского королевства, так и Великого княжества Литовского дезориентировали военное командование Ордена, вынужденного воздерживаться от активных действий. В этих условиях Витовту и Ягайле удалось успешно достичь той цели, которую они ставили перед собой на первом этапе кампании: 2 июля на Висле, севернее Варшавы, в районе Червиньска беспрепятственно соединились армии обоих государств. 6 июля они перешли прусскую границу, и война развернулась на землях Ордена.

Польско-литовское войско двинулось в глубь вражеской территории, в сторону Мальборка, столицы Ордена [12]. Войска союзников «все шли плохими лесными доро-

---

[9] Nowak Z. Polityka północna Zygmunta Luksemburskiego do roku 1411. Toruń. 1964, s. 98—100.

[10] Prochaska A. Dzieje Witolda wielkiego księcia Litwy. Wilno. 1914, s. 124—125.

[11] Kuczyński S. M. Wielka wojna z Zakonem Krzyżackim w latach 1409—1411. Warszawa. 1980, s. 331—332.

[12] О первой фазе войны подробнее см.: Kuczyński S. M. Op. cit., s. 334—368. В архиве Ордена сохранилось много документов о войне 1409—1411 годов. Большая часть из них опубликована в издании: Codex epistolaris Vitoldi. Cracoviae. 1882. Обзор и частичная публикация не вошедших в это издание материалов см.: Biskup M. Z badań nad «Wielką wojną» z Zakonem Krzyżackim.— Kwartalnik historyczny. 1959, № 3. О самой битве эти документы сведений не содержат. Ее описания сохранились лишь в хрониках. Из источников, отражающих точку зрения Ордена, следует отметить составленное неизвестным лицом продолжение «Хроники» Иоанна Посильге, официала помезанского епископа. Записи здесь близки по времени событиям, которые поданы с точки зрения стороны, враждебной польско-литовской: войска Великого княжества Литовско-

гами и не могли найти ровного и широкого поля, где бы можно было остановиться и дать бой, и были большие и ровные поля около немецкого города Дубровна» [13]. Именно на север от этого города, взятого союзниками на пути к Мальборку, войско великого магистра Ордена Ульриха фон Юнгингена преградило путь польско-литовским силам. По крайней мере на день раньше армия крестоносцев стала на поле, к которому продвигались отряды его противника.

Какими же силами располагали перед решающей битвой обе армии? Точными данными для ответа на этот вопрос мы не располагаем [14]. Одно не подлежит сомнению: Орден собрал все свои силы и широко раскрыл казну для вербовки наемников. Лишь в одной из счетных книг Ордена записаны выплаты жалованья для 5750 человек, нанятых на орденскую службу перед битвой при Грюнвальде [15]. Но, кроме наемников, благодаря призывам Ордена в Пруссию прибыли большие отряды «гостей» — рыцарей, снарядившихся за свой счет, явившихся сюда в поисках добычи и рыцарских лавров, завоеванных в борьбе с язычниками. В составе армии крестоносцев были отряды рыцарей не только из Мейссена, Вестфалии и рейнских земель, но даже из Швейцарии, «пришедшие на помощь магистру прусскому и Ордену собственным иждивением» [16]. Составитель Хроники Быховца был не так далек от истины, написав, что магистр выступил на войну «со всей Германской империей» [17]. Но главное, Орден постарался выжать максимум сил из собственных подданных: там, где сохранились данные, видно, что отдельные прусские города выставили контингенты по размеру в несколько раз большие, чем во время других военных кампаний [18]. Для решающей битвы, писал современник, великий магистр собрал все силы, «оставив всю землю и все зáмки» без военачальников и гарнизонов [19].

Точный в подсчетах французский хронист Жильбер де Ланнуа отметил, что уже после Грюнвальда ослабленный Орден выставил в 1413 г. для войны с поляками и литовцами 21 тыс. всадников и множество пехоты. В 1410 г. армия Ордена должна была значительно превышать эти цифры. Учитывая сказанное, с доверием можно отнестись к сведениям документов, которые рассказывали о заупокойных службах по убитым со стороны Ордена: в них упоминалась цифра 18 тысяч [20].

го для него — войска язычников. У других хронистов, писавших на территории Пруссии, сохранились краткие записи о войне и битве (все соответствующие тексты собраны в издании: SRP. T. III. Leipzig. 1866). С польско-литовской стороны наиболее ранним и достоверным источником является т. н. Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruciferis. Anno Christi, 1410. Poznań. 1911 (издание с факсимильным воспроизведением оригинала). К сожалению, это описание войны, составленное по следам событий в канцелярии короля, дошло до нас в сильном сокращении, сделанном неизвестным клириком, использовавшим его как материал для проповеди в годовщину победы при Грюнвальде. Полным текстом «Cronica conflictus» располагал и широко использовал его в своей «Хронике» работавший во второй половине XV в. Ян Длугош. Однако текст этого источника он использовал не механически, а перерабатывал под влиянием сообщений своего покровителя, краковского епископа Збигнева Олесницкого, относившегося с большой неприязнью к литовцам и православным. Отсюда — выступающая в его повествовании тенденция приписать основную заслугу в победе под Грюнвальдом польскому войску (описание войны и битвы помещено в начале книги XII «Хроники»: Joannis Dlugossii seu Longini canonici Cracoviensi opera omnia. T. XIII. Cracoviae. 1877). Современный русский перевод: Длугош Я. Грюнвальдская битва. М.-Л. 1962. Противоположная тенденция может быть отмечена в рассказе «Хроники Быховца», где отразились предания о битве, бытовавшие в среде аристократии Великого княжества Литовского в XVI веке. Наряду с недостоверными этот рассказ содержит ряд важных и точных сведений, отсутствующих в других источниках (см. Kuczyński S. M. Informacje tzw. latopisu Byshowca o «Wielkiej wojnie» lat 1409—1411. In: Studia z dziejów Europy Wschodniej X—XVII w. Warszawa. 1965). Ср. также: ПСРЛ. Т. 32. М. 1975; русск. пер.: Хроника Быховца. М. 1966.

[13] Хроника Быховца, с. 79.

[14] Kuczyński S. M. Spór o Grünwald. Warszawa. 1968, s. 66.

[15] Ekdahl S. Kilka uwag o księdze żołdu Zakonu krzyżackiego z okresu «Wielkiej wojny» 1410—1411.— Zapiski historyczne, 1968, № 3.

[16] Длугош Я. Ук. соч., с. 93—95.

[17] Хроника Быховца, с. 78.

[18] Kuczyński S. M. Spór o Grünwald, s. 86.

[19] SRP. T. III, S. 314—315.

[20] Jahrbücher Johannes Lindenblatts oder Chronik Johannes von der Posilie, Officials zu Riesenburg. Königsberg. 1823, S. 257—258.

Польша и Великое княжество Литовское также собрали к месту битвы свои основные силы. Из перечня отрядов (хоругвей) в составе войска союзников видно, что и Ягайло и Витовт привели с собой войска не только с расположенных сравнительно близко от Ордена польских, белорусских и литовских, а также русских (Смоленщина) территорий, но и с украинских земель: в польском войске были хоругви Галицкой земли, Холмщины, Подолии, в литовском — Киевская, Кременецкая, Стародубская [21]. Поскольку по размерам территории и числу жителей Польское королевство и Великое княжество Литовское значительно превосходили Орден, из этого иногда делался вывод о большом численном превосходстве войск союзников. Ряд обстоятельств говорит, однако, против этого предположения. Во-первых, союзники не располагали той огромной внешней поддержкой, которой пользовался Орден. В составе польского войска были, правда, наемные отряды и добровольцы, но все они (и добровольцы и наемники) пришли из Силезии, польской земли, входившей в то время в состав Чешского королевства, а также из самой Чехии, которая была, таким образом, единственной страной католической Европы, оказавшей помощь противникам Ордена [22]. Вступая в ряды польского войска, чехи и силезцы действовали вопреки желанию чешского короля Вацлава IV, который, стремясь сохранить за собой трон Священной Римской империи, в начавшейся войне явно поддерживал крестоносцев.

Хронисты Ордена и находившиеся под их влиянием хронисты западноевропейских стран писали об огромном войске татар, участвовавших в войне на польско-литовской стороне во главе с самим «татарским императором» [23]. В действительности речь могла идти лишь о небольшом отряде Джелал ад-Дина, сына Тохтамыша, который нашел в то время приют у Витовта, потерпев поражение в борьбе с Едигеем [24]. Союзники получили также помощь от молдавского господаря, но это был небольшой отряд, насчитывавший 800 человек [25]. Существенно и другое: если Орден смог собрать все свои силы под Грюнвальдом, не опасаясь нападения с другой стороны, то союзники не могли себе этого позволить. Длугош прямо свидетельствует о том, что часть польских войск осталась на южной границе для защиты от нападения союзника крестоносцев Сигизмунда Люксембургского [26]. Немалая часть войск Великого княжества Литовского продолжала охранять границы с Ливонским орденом и Золотой Ордой.

Таким образом, хотя союзники и располагали, судя по всему, численным перевесом [27], он не мог быть подавляющим и в битве на открытом поле компенсировался преимуществами тяжеловооруженной рыцарской конницы, тогда как войска из украинских земель Польши и Великого княжества Литовского располагали более легким вооружением. Несомненно одно: в сражении с обеих сторон участвовали десятки тысяч человек. Следовательно, битва при Грюнвальде была одним из крупнейших сражений эпохи средневековья.

Разным был и моральный дух сторон. Прибывшие с войском Ордена наемники и «гости» стремились к захвату добычи, а прусские города и рыцари тяготились деспотической властью Ордена и не испытывали горячего желания сражаться за его интересы. В другом же лагере — поляков, литовцев, белорусов, украинцев и воинов русской Смоленщины объединяло желание дать отпор агрессору, давно и жестоко разорявшему их земли, не скрывавшему планов расчленения и порабощения соседних государств и народов. И это не могло не повлиять на исход развернувшейся битвы.

---

[21] Длугош Я. Ук. соч., с. 89. Cronica conflictus также упоминает при описании боя «хоругвь Галицкой земли» (s. 27).

[22] Длугош Я. Ук. соч., с. 88—90. В составе одного из таких отрядов гетмана Яна Сокола принял участие в Грюнвальдской битве Ян Жижка (там же, с. 134).

[23] SRP. T. III, S. 7, 314—315, 405—407, 413, 453—455.

[24] Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая орда и ее падение. М.-Л. 1950, с. 398—400.

[25] Codex epistolaris Vitoldi, App. XXXVII, p. 1064.

[26] Длугош Я. Ук. соч., с. 63.

[27] «Прусское войско как рыцарской силой, так и числом знамен уступало польскому» (там же, с. 90).

Утром 15 июля войска крестоносцев, выстроившись в боевой порядок, стали на поле между поселениями Танненберг и Грюнвальд. Между тем войска союзников (на правом крыле стояло войско Польского королевства, на левом — Великого княжества Литовского) не торопились начинать битву, не выдвигаясь пока вперед из окружавших долину лесов. В этот момент к Ягайле и Витовту явились герольды от великого магистра с необычным заявлением, которое именно поэтому отмечено во всех главных источниках о битве [28]. «Светлейший король! Великий магистр Пруссии Ульрих шлет тебе и твоему брату два меча, как поощрение к предстоящей битве, чтобы ты с ними и со своим войском незамедлительно и с большей отвагой, чем ты выказываешь, вступил в бой и не таился дольше, затягивая сражение и отсиживаясь среди лесов и рощ. Если же ты считаешь поле тесным и узким для развертывания твоего строя, то магистр Пруссии Ульрих... готов отступить сколько ты хочешь от ровного поля, занятого его войском» [29]. И вслед за появлением герольдов войска крестоносцев действительно отошли назад. По правилам войны, принятым в то время, это был вызов, граничащий с оскорблением, за которым должно было по логике событий последовать немедленное выступление союзных войск против армии крестоносцев.

Так и произошло. По согласному свидетельству источников [30], первыми начали сражение войска Великого княжества Литовского. Им и пришлось узнать, что скрывалось за «рыцарским» вызовом магистра. Еще в XVI в. составителю Хроники Быховца рассказали, что на будущем поле битвы крестоносцы «накопали ям и прикрыли их землею, чтобы в них падали люди и кони». В эти ямы и попала двинувшаяся в атаку литовская конница. Здесь погиб один из военачальников, имевший земли в Подолии, князь Иван Жедевид, «и еще многим людям от тех ям большой вред был» [31]. Таким образом, уже в первой фазе битвы крестоносцы с помощью вероломства нанесли существенный вред левому крылу союзников. Это сказалось на дальнейшем ходе сражения. Против литовского войска устремились отряды «гостей», желавших встретиться с «язычниками» [32], а войска, собранные в Пруссии, начали бой с хоругвями польского войска, ударив на них, по сообщению Длугоша, «с более высокого места». «Когда же ряды сошлись, то поднялся такой шум и грохот от ломающихся копий и ударов о доспехи, как будто рушилось какое-то огромное строение... Нога наступала на ногу, доспехи ударялись о доспехи и острия копий направлялись в лица врагов... Наконец, когда копья были переломаны, ряды той и другой стороны и доспехи с доспехами настолько сомкнулись, что издавали под ударами мечей и секир, насаженных на древки, страшный грохот, какой производят молоты о наковальни, и люди бились, давимые конями» [33].

В течение часа ни одна из сторон не могла добиться успеха. Затем под натиском крестоносцев, к которым подошли свежие силы, левое крыло союзников стало «отступать и наконец обратилось в бегство... Враги рубили и забирали в плен бегущих, преследуя их на расстоянии многих миль... Бегущих же охватил такой страх, что большинство их прекратило бегство, только достигнув Литвы» [34]. Несмотря на определенность и категоричность суждений Длугоша, эта часть его рассказа давно вызывала сомнение, т. к. находилась в противоречии с данными других источников. Отсюда — длительный спор о характере действий левого крыла армии союзников в Грюнвальдской битве [35]. Лишь сравнительно недавно был обнаружен важный источник, окончательно подтвердивший правоту критиков Длугоша. Уже после Грюнвальда один из начальников Ордена предупреждал магистра, что в новом сражении про-

---

[28] SRP. T. III, S. 316; Cronica conflictus, s. 22.

[29] Длугош Я. Ук. соч., с. 98—99.

[30] Там же, с. 101.

[31] Хроника Быховца, с. 79; из сообщений Длугоша можно заключить, что в такие ямы крестоносцы ставили колья и покрывали их соломой (Dlugossii J. Opera omnia. T. XIII, s. 295, 304).

[32] Cronica conflictus, s. 25.

[33] Длугош Я. Ук. соч., с. 101.

[34] Там же, с. 102.

[35] Обзор дискуссии: Kuczyński S. M. Taktyka walki skrzydła litewsko-ruskiego w bitwie pod Grünwaldem. In: Studia i materiały do historii wojskowości. T. X, cz. II, Warszawa. 1964.

тивники могут умышленно вызвать бегство нескольких отрядов, чтобы привести к разрыву боевых порядков тяжелой конницы так же, как это произошло в «великой битве» [36]. Значение этого свидетельства состоит прежде всего в том, что оно подтверждает «с противной стороны» то описание действий литовцев, которое дал неизвестный поляк, автор «Cronica conflictus». Ведь он пишет, что, когда литовцы стали отступать, отряды крестоносцев, «полагая, что они уже одержали победу, рассеялись [удалившись] от своих знамен, нарушив порядок своих отрядов».

Нарушив боевой строй, дававший ей силу удара, тяжелая рыцарская конница сошла с поля в болотисто-пересеченную местность, где все преимущества были на стороне привыкших действовать в таких условиях литовцев и белорусов. «Затем, — продолжает «Cronica conflictus»,— когда они захотели вернуться к своим людям и знаменам, окруженные людьми короля (так хронист называет все войска, подчиненные верховной власти Ягайло.— Б. Ф.), они были взяты в плен или погибли, сраженные мечом» [37]. Лишь некоторым из этих отрядов удалось вернуться назад. Искусный маневр был вынужденным и, конечно, рискованным, а предпринят он был уже после того, как, по выражению «Cronica conflictus», были «убиты многие и с той и с другой стороны» и какая-то часть литовского войска могла действительно обратиться в бегство. Но главные силы левого крыла остались на поле битвы и сумели нанести ощутимый урон крестоносцам.

В своем рассказе Длугош противопоставил поведение литовского войска действиям трех смоленских полков, которые в отличие от других отрядов не отступили, продолжая сражение с крестоносцами. «Хотя под одним знаменем они были жестоко изрублены и знамя их втоптано в землю, однако в двух остальных отрядах они вышли победителями, сражаясь с величайшей храбростью, как подобало мужам и рыцарям, и, наконец, соединились с польскими войсками» [38]. Почему они не отошли вместе со всем войском Великого князя Литовского? Прямых сведений нет, ответ же подсказывается общим положением на поле битвы: отход литовских войск, хотя и приносивший определенные выгоды, вместе с тем был чреват серьезной опасностью. Преследуя отступавших, конница крестоносцев могла зайти в тыл войскам правого крыла. Именно эту опасность предотвратили, «соединившись с польским войском», смоленские полки. В тяжелый для армии союзников момент «примыкавшие к польскому войску справа смоленские полки прочно занимали отведенное им место и, несмотря на тяжелые потери, обеспечили защиту польских полков от фланкового удара рыцарей» [39]. Это имело большое значение для общего исхода сражения.

Тем временем бой на правом крыле разгорался со все большей силой. Здесь с крестоносцами сражались войска Польского королевства. Главным объектом атаки крестоносцев стала большая хоругвь Краковской земли, над которой поднималось знамя с главной эмблемой государства — белым орлом. Крестоносцы, по-видимому, считали, что под этим знаменем сражается сам польский король, и его захват решит исход сражения [40]. Наступил момент, когда под вражеским натиском знамя упало на землю. У знамени завязалась отчаянная схватка: «Отборный отряд храбрейших рыцарей встал около него грудью, защищая его своими телами и оружием», и враг был отброшен [41]. По-видимому, положение восстановила часть брошенных в бой резервов, под натиском которых войска Ордена начали медленно отходить [42].

Это не осталось незамеченным в лагере крестоносцев, и великий магистр, придя к заключению, что уже все силы союзников вступили в бой, решил нанести решающий удар. В его распоряжении был еще значительный резерв (16 хоругвей, почти треть армии крестоносцев), который массированной атакой должен был решить исход битвы. Убежденный, что силы противника исчерпаны, магистр с главными сановниками Ордена встал во главе идущих в бой рыцарей. Бой продолжался

---

[36] Ekdahl S. Die Flucht der Litauer in der Schlacht bei Tannenberg.— Zeitschrift für Ostforschung, 1963, Hf. 1, S. 16—17.

[37] Cronica conflictus, s. 26.

[38] Длугош Я. Ук. соч., с. 102.

[39] Караев Г. Н., Королюк В. Д. К 550-летию Грюнвальдской битвы.— Вопросы истории, 1960, № 7, с. 98.

[40] Длугош Я. Ук. соч., с. 88; Kuczyński S. M. Wielka wojna, s. 401.

[41] SRP. T. III, S. 316; Длугош Я. Ук. соч., с. 104.

[42] Kuczyński S. M. Wielka wojna, s. 402—403.

уже шесть часов, наступал переломный момент сражения. Атака крестоносцев была снова направлена на то место, где, по мнению крестоносцев, находился король. Но в этот самый момент Ягайло и Витовт ввели в бой свои резервы: поляки с одной стороны и литовцы — с другой ударили на войско магистра. Столкнулись мчащиеся навстречу друг другу потоки конницы. И в этой решающей схватке отборные силы Ордена, «окруженные отовсюду, были повержены и раздавлены, почти все воины, сражавшиеся под шестнадцатью знаменами, были перебиты или взяты в плен». Погибли магистр и ряд других сановников Ордена. Войска крестоносцев стали отходить с поля битвы. Увидев перемену военного счастья, начали складывать оружие отряды «гостей». Перешла целиком на польскую сторону во главе со своим хорунжим хоругвь захваченной крестоносцами польской Хелминской земли. Часть Орденского войска обратилась в паническое бегство [43].

В дальнейшем ходе битвы рыцарская конница уже не участвовала. Однако из рассказа Длугоша можно заключить, что само сражение на этом не закончилось. Большая часть воинов Ордена, бежавших с поля боя, «искала защиты в прусском обозе при стане». Там была предпринята серьезная попытка организовать сопротивление, что следует из слов хрониста «они были перебиты» (т. е. встретили врага с оружием в руках) [44]. Скупость сведений хронистов об эпилоге битвы удачно объяснил польский историк С. Инглот [45]. На штурм лагеря двинулась пехота, состоявшая из людей «подлого звания» [46], не знавших рыцарских правил и стремившихся лишь к одному — уничтожить врага. Если рыцари, преследовавшие вражеских рыцарей, по приказу Ягайлы «избегали резни» и, не пуская в ход оружие, привели пленных «невредимыми, без насилья и увечья» [47], то в лагере картина была иная. «Все находившиеся в нем погибли от меча». «На этом месте,— указывается в источнике,— было видно больше трупов, чем [убитых] во всей битве» [48]. Так сломленное в конной битве войско Ордена было уничтожено вооруженными польскими, литовскими, белорусскими, украинскими и русскими крестьянами. В лагере победители обнаружили возы с цепями, которыми крестоносцы рассчитывали заковать пленных [49].

Армия Ордена практически перестала существовать: бóльшая ее часть была уничтожена, значительное число воинов попало в плен. Победителям достались обоз, артиллерия, боевые знамена крестоносцев (51 захваченное знамя было доставлено в Краков, остальные отправлены в Вильнюс) [50]. В битве погибли или попали в плен не только почти все главные чины Ордена, но и наместники округов — комтуры (кроме одного, не участвовавшего в битве). Поражение было сокрушительным. От нанесенного удара Орден так и не смог оправиться, несмотря на то, что политики Польши и Великого княжества Литовского не сумели в полной мере воспользоваться плодами победы. В последующих столкновениях с соседями вплоть до 1525 г., года ликвидации Ордена, он боролся лишь за сохранение своих позиций. Угроза агрессии со стороны немецких феодалов по отношению к полякам, литовцам, восточным славянам была надолго устранена.

В историческую традицию этих народов битва под Грюнвальдом, происходившая 575 лет тому назад, вошла не только как символ мужества и героизма в борьбе за родную землю против иноземных захватчиков, но и как свидетельство того, что, когда народы объединяются, чтобы общими силами дать отпор агрессору, отстоять свою свободу и независимость, они добиваются победы.

[43] Об этом решающем моменте сражения см.: Длугош Я. Ук. соч., с 104—107; Cronica conflictus, s. 27—28. Об участии литовцев в атаке на войско магистра говорит продолжатель хроники Посильге (SRP. T. III, S. 316).

[44] Длугош Я. Ук. соч., с. 108. В Cronica conflictus (s. 28) еще более определенно указано, что укрывшиеся в лагере пробовали создать вокруг себя защиту из возов.

[45] Inglot S. Udział chłopów w obronie Polski. Łódź. 1946, s. 21.

[46] О людях «неблагородного звания», или просто крестьянах, в составе польского войска имеются прямые свидетельства документов из архива Ордена (Biskup M. Op. cit., s. 686, 699, 703—704, 709).

[47] Длугош Я. Ук. соч., с. 109.

[48] Cronica conflictus, s. 28.

[49] Длугош Я. Ук. соч., с. 108.

[50] Там же, с. 157; Dlugosz J. Banderia Prutenorum. Warszawa. 1958; Хроника Быховца, с. 80.